

УДК 343.8

РОБИНЗОНЫ ОСТРОВА ОГНЕННЫЙ**Упоров Иван Владимирович**

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

uporov@list.ru

Аннотация

Статья с таким названием была ранее опубликована автором четверть века назад – в 1995 г. [1], то есть, в разгар тех самых, ставших нарицательными, «90-х» годах. Однако содержание этой работы, как представляется, актуально и для современной России. Нужно также учесть, что тогда статья была напечатана в ведомственном издании мизерным тиражом, и, разумеется, она не попала ни в какие электронные каталоги. Между тем современные издательские технологии позволяют ознакомиться с авторскими рассуждениями значительно более широкому кругу заинтересованных читателей. Кроме того, переиздание статьи представит интерес с точки зрения понимания динамики развития в России уголовно-исполнительной и криминологической мысли и правоприменительной практики в сфере борьбы с преступностью. В статье автор раскрывает условия содержания осужденных, которым приговоры к смертной казни Президентом России Б.Н. Ельциным были заменены пожизненным лишением свободы; это решение во многом было обусловлено политической позицией, связанной с предстоящим включением России в Совет Европы. Данное наказание тогда исполнялось на острове Огненном в Вологодской области и еще не имело надлежащего законодательного регулирования.

Ключевые слова: пожизненное лишение свободы, осужденные, остров Огненный, приговор, смертная казнь, помилование, общество, государство, закон.

FIRE ISLAND ROBINSONS**Ivan V. Uporov**

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

uporov@list.ru

ABSTRACT

An article with this title was previously published by the author a quarter of years ago - in 1995 [1], that is, in the midst of those that have become common nouns, "90s". However, the

content of this work seems to be relevant for modern Russia as well. It should also be taken into account that at that time the article was published in a departmental publication in a scanty circulation, and, of course, it did not get into any electronic catalogs. Meanwhile, modern publishing technologies make it possible to get acquainted with the author's reasoning to a much wider circle of interested readers. In addition, the reprint of the article will be of interest from the point of view of understanding the dynamics of the development in Russia of criminal executive and criminological thought and law enforcement practice in the field of combating crime. In the article, the author reveals the conditions of detention of convicts who were sentenced to death by President of Russia B.N. Yeltsin were replaced by life imprisonment; this decision was largely due to the political position associated with the upcoming inclusion of Russia in the Council of Europe. This punishment was then executed on the Ognenny Island in the Vologda Oblast and did not yet have proper legislative regulation.

Key words: life imprisonment, convicts, Ognenny Island, sentence, death penalty, pardon, society, state, law.

Неизвестно, почему для монастыря был создан когда-то на озерах Вологодчины этот рукотворно-насыпной крошечный островок, не сохранило время и тайну названия его - Огненный. Но сейчас, спустя три с лишним века, жизнь удивительным образом связала прошлое с днем сегодняшним. В некогда монастырских, а сейчас в тюремных стенах, окаймляющих островок и ниспадающих в воды, находятся преступники, которым смертная казнь заменена пожизненным лишением свободы. Это, пожалуй, самые жестокие люди из живущих в России, их руки обгажены кровью, их имена прокляты; это они зверски убивали, насиловали взрослых и детей, расчленяли и сжигали трупы, грабили, глумились, унижали. Разве не огнем должна дышать земля, приняв сразу стольких убийц и насильников? Нахождение острова в глухом краю, его искусственность как бы дополнительно отделяют «кровавую сотню» от мира людского. Наконец, библейский дух, неуловимо исходящий из древних монастырских строений, напоминает о высшем, божьем суде...

Должны ли такие люди жить? Это чрезвычайно сложный, противоречивый вопрос. Не хотел бы на него углубляться, замечу лишь, что основной довод сторонников замены смертной казни пожизненным заключением (равно как и отмены таковой вообще) - возможность избежать непоправимой судебной ошибки, из-за которой может быть отнято самое ценное - жизнь. В практике такие ошибки, хоть и редко, но бывают. Еще довод - принцип гуманизма. Оба эти довода достаточно дискуссионны. Кстати, начальник колонии подполковник внутренней службы А. Розов считает, что смертную казнь еще рано отменять, но коль скоро «смертнику» сохранена жизнь, то жить он должен сообразно человеку, как бы ни относиться к его злодеяниям. Не могу не согласиться с этой позицией. Нам, конечно, бывает трудно смириться с мыслью о том, что убивший с особой жестокостью нескольких сограждан, повергнувший в неопишное горе их близких продолжает жить. Но гнев и возмущение наши могут быть оправданы лишь на уровне бытового сознания. Есть закон (от. 24 УК), отражающий, пусть и опосредованно, преобладающее общественное мнение. Допускаю, что общественность может потребовать упразднения института пожизненного лишения свободы, но сегодня он - реальность.

Другой важнейший вопрос - законодательная база исполнения пожизненного лишения свободы; отсутствие таковой значительно усложняет работу администрации учреждения ОЕ-256/5 СИД и СР УВД Вологодской области [2]. Об этом уже много говорили и писали, но, похоже, дело сдвинется с места еще не скоро. Тем не менее есть во всем этом и свой плюс. Институт пожизненного заключения не присущ российской

уголовно-исполнительной сфере. И правильным ли было бы издание закона на голом месте? А тут самый что ни на есть правовой эксперимент, правда, в большей степени беспланный, где многое дано на усмотрение администрации колонии. В сложившейся ситуации, думаю, во многом допустим принцип, когда фактически складывающиеся отношения и должны составить затем основу формального, то есть законного их отражения.

Итак, в колонии вместо бывшего особого режима появился так называемый специальный режим. В начале 1995 года здесь содержалось более ста человек, каждый из которых в свое время был приговорен к исключительной мере наказания, а затем помилован Президентом России.

Все осужденные (будем называть их так, поскольку статус этой категории, отбывающих наказание пока не определен) содержатся по двое в камерах разных размеров, но достаточно просторных (в среднем площадь одной камеры составляет 10-12 кв.м). Потолки высокие. Если говорить не о площади жилья, а о кубатуре: то в данном случае камеры для «пожизненников» вполне соответствуют международному уровню.

По режиму содержания - это тюрьма строгого режима. Часть осужденных трудится в рабочих камерах. также по двое: шьют рукавицы, реализация которых приносит колонии некоторую прибыль. Ежедневные прогулки по дворику 6 x 20 метров все тем же тандемом. Питание вполне нормальное. Кроме казенной пищи, осужденные получают от родственников продуктовые посылки. Некоторым прислали даже телевизоры - администрация не препятствует их использованию. По сложнее со свиданиями: приехавшей родственнице, пока единственной, было отказано во встрече. Поясняя это решение, начальник учреждения сослался на отсутствие соответствующей разрешительной нормы закона.

Тут, пожалуй, можно поспорить. Ведь отсутствует не только разрешительная, но и запрещающая норма. А в случае пробела в законодательстве, касающегося прав и свобод человека (в данном случае осужденного), преобладающим должен быть все же дух обще дозволительного принципа правового регулирования. Именно этот принцип доминирует в Российской Федерации во взаимоотношениях «государство-личность» и отвечает международному подходу в этой сфере. От свидания была бы скорее польза, чем вред. Отказ же без достаточного законного обоснования породил недовольство, которое будет в числе прочего подпитывать и соответствующее общественное мнение. По своей практике хорошо знаю, насколько внимательно нужно подходить к вполне естественному стремлению родственников увидеть друг друга, да и не государство ли виновато в отсутствии законодательства?

Если в отношении режима содержания такой категории осужденных есть от чего отталкиваться (усиленные меры безопасности), то по таким важнейшим вопросам, как цели данного вида лишения свободы (помимо цели защиты общества от преступника), средства их достижения, ясного ответа пока нет. В самом деле, на что должен ориентироваться воспитатель - на действительно пожизненное заключение или все же пусть на нескорое, но освобождение? Можно ли говорить об исправлении, о целенаправленном воспитательном воздействии? Какие использовать стимулы правомерного поведения осужденных, к чему их призывать?

Опрос содержащихся в этом учреждении показал: большинство надеется на освобождение, причем срок больше 20 лет никто не назвал. Если учесть еще и международный опыт, то, очевидно, законодатель придет к возможности освобождения (разумеется, при соответствующих условиях, и прежде всего в зависимости от поведения осужденного) спустя определенный период отбывания наказания. Кстати, в письмах с воли близкие осужденных надеются на возвращение их домой. В одном новогоднем

поздравлении осужденному есть пожелание «стойкости, несмотря ни на что». Да и реально ли фактическое пожизненное лишение свободы?

Ведь жизнь впереди длинна (средний возраст осужденных 30-35 лет). Пройдет, скажем, двадцать лет, постареют сопричастные к преступлению, забудутся злодеяния, время заглушит боль трагедии как лично для потерпевших и их близких, так и для общества в целом, и вопрос об освобождении вполне может быть решен положительно. Отсидел, ведет себя смиренно, наверное, раскаялся, да и старый уже, - ладно, Бог с ним. Разве не так у каждого из нас: поначалу гневаемся, готовы чуть ли не включь разодрать обидчика, а со временем успокаиваемся и прощаем. А тем более если пройдет 30-40-50 лет? Новое поколение едва ли прочувствует совершенное преступниками зло. Во всяком случае у нас, в России, прощение имеет место как в большом, так и в малом. Воспримет ли законодатель эту национальную особенность – покажет время.

Смертная казнь - самое суровое наказание, нет выше ценности, чем человеческая жизнь. Осужденный Г. по этому поводу, однако, сказал: «Это не так. Что расстрел? Раз - и все готово! Никаких мучений. А тут изо дня в день одно и то же, становишься роботом, осознаешь и чувствуешь свое деградирование, теряешь здоровье, превращаешься в обезьяну, в животное в человеческом облике». Здесь вопрос и для науки: каково воздействие длительного лишения свободы на психику человека в условиях содержания в камере? Каковы средства нейтрализации отрицательных изменений?

Вероятно, это задача не одного поколения ученых, тут необходима весьма крупномасштабная программа исследований. И как знать, каковы будут выводы. Может быть, на самом деле гуманнее лишить преступника жизни, чем подвергать его коррозии, безвозвратно выедающей в человеке личностное? Тем более некоторые осужденные просят, в том числе и письменно, привести приговор в исполнение. Причины разные. Одна из них названа. А вот осужденный Н.: «Я уже старый, всю жизнь по тюрьмам, здоровья нет, семьи нет, я никому не нужен. Долго не протяну - от силы лет 10. Зачем мучить и себя, и другим доставлять беспокойство?». Год с лишним назад осужденный Д. сам привел приговор в исполнение, покончив жизнь самоубийством. В записке просил прощения и сообщал, что после совершенного им ранее преступления он не имеет права на жизнь.

Радость по поводу указа Президента о помиловании выражает отнюдь не большинство осужденных. В беседах лишь один сказал: «А что? Хорошо, конечно. Какая-никакая, а жизнь!» (этот осужденный, ранее отбывая наказание в колонии, убил сотрудника и двух осужденных, по лагерной жизни - «блатной»). Многие, вспоминая момент получения вести о сохранении жизни, пожимали плечами. Характерно высказывание осужденного С.: «После приговора к «вышке» долго сидел в одиночке. Сначала какое-то напряжение было. Но потом привык и смирился с судьбой: расстрел – так расстрел, жизнь - так жизнь. Принесли указ- расписался об ознакомлении, чувствовал себя спокойно, как-то уже не было большой разницы».

Еще один осужденный в заявлении в Верховный суд написал: «Возьмите мое тело, но оставьте честное имя для детей». Речь идет о бывшем майоре милиции из Иркутской области, обвиненном в тяжких преступлениях, в том числе в организации банды, об этом деле несколько лет назад писали центральные газеты. По версии осужденного, он оказался жертвой мести, устроенной теми, кто «слетел» со своих высоких должностей после проверки, проводимой при участии и этого бывшего майора. Полностью разуверившись, по его словам, в какой-либо справедливости во всех правоохранительных и судебных органах, он просил или пересмотреть приговор, или привести его в исполнение; помилование ему не нужно.

Чисто по-человечески он вызывал определенное сочувствие. Может, действительно, стоит внимательно разобраться в его деле? Это как раз тот случай, когда возможность судебной ошибки оправдывает необходимость института пожизненного лишения свободы. И хотя данный довод, как уже указывалось, является доминирующим, тем не менее во всех президентских указах о помиловании основание одно: «Руководствуясь принципом гуманизма...». Возможность судебной ошибки, видимо, подразумевается.

Но определенное противоречие все же есть. Понятно и логично помилование в отношении тех, кто отбыл несколько лет в рамках определенного судом срока наказания и своим поведением показывает твердое намерение вести законопослушный образ жизни. Причем по сложившейся практике вопрос о помиловании решается, как правило, по отбытии не менее половины срока наказания. В нашем же случае вопрос о проявлении милосердия сразу же наталкивается на препятствие: а за что миловать, в принципе? Судебное решение состоялось только что, судьи - юристы высшей квалификации - вынесли и оставили в силе смертный приговор, учтя в том числе и все смягчающие обстоятельства. То есть принцип гуманизма уже реализован. Другое дело, что его «вес» оказался недостаточным для иного, более мягкого приговора. Следовательно, не может быть формальных обстоятельств, дающих основание для помилования. Доказать же законопослушность осужденный не в состоянии, ибо он приговорен к смертной казни и должен быть лишен жизни. Другое противоречие заключается в том, что отбывающий пожизненное лишение свободы, спустя определенный срок, если и может быть освобожден, то только ввиду помилования или по болезни, что, как представляется, является, по сути, видом помилования, так как за основу берется тот же принцип гуманизма. Получается двойное помилование. Допустимо ли это с точки зрения логики применения права?

Указанных противоречий можно избежать, если ввести в уголовный кодекс пожизненное заключение как отдельный и самостоятельный вид наказания (такая норма заложена в проект нового УК России, рассмотренного Госдумой в первом чтении). При этом, конечно, весьма трудно будет уловить разницу в основаниях приговоров к пожизненному заключению и к смертной казни, но во всяком случае можно полнее учесть и реализовать, помимо принципа гуманизма, еще и возможность устранения судебной ошибки.

Всем осужденным пришлось после вынесения приговора к исключительной мере наказания от года до трех с лишним лет провести в одиночной камере следственного изолятора в ожидании пересмотра судебных решений и прошения о помиловании. Глядя на их лица и беседуя с ними, трудно обнаружить внешние проявления последствий одиночного заключения: обычные здравомыслящие люди, многие охотно беседуют, некоторые улыбаются. Подавленность и угрюмость практически отсутствуют, хотя проглядывает настроение неопределенности, безысходности, потери жизненных стимулов. Нужно оговориться: это поверхностные наблюдения, без учета глубины внутренних переживаний. Впрочем, сотрудники колонии подтверждают такое состояние своих подопечных. В немалой степени оно определяется в целом лояльным отношением к осужденным со стороны администрации и, прежде всего, младших инспекторов отдела безопасности, постоянно и непосредственно работающих с ними. А вот что показало анкетирование: 51% опрошенных осужденных ответили «да» на вопрос о том, чувствуют ли они безысходность своего положения.

Большинство осужденных не признает за собой «расстрельной» статьи, не отрицая при этом полностью своей вины. На вопрос о жестокости, о жалости к потерпевшим чаще всего ответом было молчание и опущенный взгляд. Многие обращаются к религии.

Осужденный Н. сравнительно молодого возраста, 25 лет, считает, что уже прощен Богом, ибо раскаялся. Вера облегчает груз ответственности за содеянное. Другой осужденный говорит, что за время пребывания в одиночной камере, а затем здесь, в колонии, в корне пересмотрел свою жизненную позицию, понял никчемность своего прошлого, надеется на лучшее, и в этом ему помогает вера в Бога. Искренни ли их слова? Как бы ни было, но, учитывая стремление к религии, администрация колонии предусмотрела отдельное помещение для священнослужителя, имея в виду использовать и эту возможность для нравственного очищения осужденных. Свободное время занято в основном чтением, прослушиванием радиопередач, общением с напарником, шахматами и, конечно, размышлениями.

Чего бы хотелось осужденным? Возможности более широкого общения в дневное время, например, где-нибудь в клубном помещении, и возможности трудиться, желательно опять же в общем цехе. Осужденный Л. сказал: «Если бы не работа, то впору на стену лезть, до того муторно это однообразие». Любопытно, что этот же осужденный заметил: «Поработал в цехе - и домой», то есть в камеру.

Из всех, с кем довелось беседовать, лишь один пожаловался на тесноту камеры: «негде развернуться». Когда напомнили ему о фактическом значительном превышении минимума жилой площади, осужденный подумал, вздохнул и махнул рукой: «Пусть хоть золотая будет камера, но здесь я в зверинце, у меня нет свободы». Высказывались предложения разрешить свидания с родственниками. Спорный вопрос - должен ли будущий закон об исполнении пожизненного лишения свободы предоставлять длительные свидания (по поводу краткосрочных, о чем шла речь выше, похоже, принципиальных разногласий нет) - конечно, разрешить. Думаю, что сохранение жизни предполагает не только продолжение биологического существования, но и личную жизнь, хотя, конечно, в ограниченных рамках; хотя бы одно длительное свидание в год, наверное, все же должно быть. Иначе в самом деле: много ли человеческого останется от человека, находящегося в камере десятки лет?

Сегодня оперативная обстановка в колонии нормальная. Но и начальник, и другие сотрудники не питают иллюзий. Во-первых, число осужденных будет и дальше увеличиваться, прибавится и осужденных из хозобслуги, находящихся на общем режиме. Во-вторых, пройдет некоторое время, и преступники, освоившись в новых условиях, изучив планировку корпусов, представителей администрации, наверняка начнут проявлять активность, пытаться установить связи между собой, с хозобслужбой, подкупить сотрудников, замысливать недобрые дела - слишком жестоки и изощренны многие из них, особенно прошедшие многолетнюю тюремную школу, слишком привычны для них кровь и страдания людей, чтобы думать о сплошном раскаянии и стремлении к новой жизни. В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов неизбежную после длительного нахождения в камере психическую деформацию, как-то она проявится для каждого в отдельности - одному Богу известно.

Словом, вопросов хватает. Пока же почти все проблемы на неизведанном пути исполнения нового вида лишения свободы - это проблемы самого учреждения. Новые надежды, думаю, вдохнет тот факт, что за изучение этого института основательно взялись ученые. Может быть, есть смысл разработать временные инструкции, которыми можно было бы руководствоваться до принятия закона. После года практики методом проб и ошибок наступает пора на основе накопленного положительного опыта в русле современной уголовно-исполнительной концепции каким-то образом отрегулировать отношения, складывающиеся в процессе исполнения пожизненного заключения. Пока же, как говорит начальник учреждения А.Розов, и он вне закона, и осужденные тоже вне закона...

В недалеком прошлом тюремные эпизоды фильма «Калина красная», в частности, хор осужденных, снимали именно в этом учреждении. «...Как много дум наводит он» - есть в песне хора и такие слова, По истине, есть над чем подумать. Но обитатели этого учреждения такую судьбу выбрали себе сами.

Список литературы

1. Упоров И.В. Робинзоны острова Огненный // Человек: преступление и наказание. 1995. № 3. С. 31-33.
2. Аббревиатура СИД и СР в то время означала: служба по исправительным делам и социальной реабилитации. В настоящее время эта служба на федеральном уровне именуется ФСИН - федеральная служба исполнения наказания, а в субъектах Федерации находятся соответствующие территориальные управления.

References

1. Uporov I.V. Robinsons of the Fiery Island // Man: Crime and Punishment. 1995. No. 3. S. 31-33 [in Russian].
2. The abbreviation SIDiSR at that time meant: Service for Correctional Affairs and Social Rehabilitation. Currently, this service at the federal level is called the FSIN - the federal service for the execution of punishment, and in the constituent entities of the Federation there are corresponding territorial departments [in Russian].

1995. 23

Точка зрения

Неизвестно, почему для монастыря был создан когда-то на острове Вологодчины этот рукотворно-насыпной крошечный островок, не сохранило время и тайну названия его - Огненный. Но сейчас, спустя три с лишним века, жизнь удивительным образом связала прошлое с днем сегодняшним. В некогда монастырских, а сейчас тюремных стенах, окаймляющих островок и ниспадающих в воды, находятся преступники, которым смертная казнь заменена пожизненным лишением свободы. Это, пожалуй, самые жестокие люди из живущих в России, их руки обгарены кровью, их имена прокляты; это они зверски убивали, насиловали взрослых и детей, расчленили и сжигали трупы, грабили, глумились, унижали. Разве не огнем должна дышать земля, приняв сразу столько убийц и насильников? Нахождение острова в глухом краю, его искусственность как бы дополнительно отделяют «кровавую сотню» от мира людского. Наконец, библейский дух, неуловимо исходящий из древних монастырских строений, напоминает о высшем, божьем суде...

Должны ли такие люди жить? Это чрезвычайно сложный, противоречивый вопрос. Не хотел бы в него углубляться, замечу лишь, что основной довод сторонников замены смертной казни пожизненным заключением (равно как и отмены таковой вообще) - возможность избежать непоправимой судебной ошибки, из-за которой может быть отнято самое ценное - жизнь. В практике такие ошибки, хоть и редко, но бывают. Еще довод - принцип гуманизма. Оба эти довода достаточно дискуссионны. Кстати, начальник колонии подполковник в.с. службы А.Розов считает, что смертную казнь еще рано отменять, но коль скоро «смертнику» сохранена жизнь, то жить он должен сообразно человеку, как бы ни относиться к его злодеяниям. На могу не согласиться с этой позицией. Нам, конечно, бывает трудно смириться с мыслью о том, что убивший с особой жестокостью нескольких сограждан, повергнувший в неопределимое горе их близких продолжает жить. Но гнев и возмущение наши могут быть оправданы лишь на уровне бытового сознания. Есть закон (ст. 24 УК), отражающий, пусть и опосредованно, преобладающее общественное мнение. Допускаю, что общественность может потребовать упразднения института по-

жизненного лишения свободы, но сегодня он - реальность.

Другой важнейший вопрос - законодательная база исполнения пожизненного лишения свободы: отсутствие таковой значительно усложняет работу администрации учреждения ОЕ-256/5 СИДИСР УВД Вологодской области. Об этом уже много говорили и писали, но, похоже, дело сдвинется с места еще не скоро. Тем не менее есть во всем этом и свой плюс. Институт пожизненного заключения не присущ российской уголовно-исполнительной сфере. И правильным ли было бы издание закона на голом месте? А тут самый что ни на есть правый эксперимент, правда, в большей степени бесплановый, где многое дано на усмотрение администрации колонии. В

сложившейся ситуации, думаю, во многом допустим принцип, когда фактически складывающиеся отношения и должны составить затем основу формального, то есть законного их отражения.

Итак, в колонии вместо бывшего особого режима появился так называемый специальный режим. В начале 1995 года здесь содержалось более ста человек, каждый из которых в свое время был приговорен к исключительной мере наказания, а затем помилован Президентом России.

Все осужденные (будем называть их так, поскольку статус этой категории отбывающих наказание пока не определен) содержатся по двое в камерах разных размеров, но достаточно просторных (в среднем площадь одной камеры составляет 10-12 м²). Потолки высокие. Если говорить не о площади жилья, а о кубатуре, то в данном случае камеры для «пожизненников» вполне соответствуют международному уровню.

По режиму содержания - это тюрьма строгого режима. Часть осужденных трудится в рабочих камерах, также по двое: шьют рукавицы, реализация которых приносит колонии некоторую прибыль. Ежедневные прогулки по дворику 6 x 20 метров все тем же тандемом. Питание вполне нормальное. Кроме казенной пищи, осужденные получают от родственников продуктовые посылки. Некоторым прислали даже телевизоры - администрация не препятствует их использованию. Последнее со свиданиями: приехавшей родственнице, пока единственной, было отказано во встрече. Поясняя это решение, начальник учреждения со-

Робинзоны острова Огненный

Точка зрения

спался на отсутствие соответствующей разрешительной нормы закона.

Тут, пожалуй, можно поспорить. Ведь отсутствует не только разрешительная, но и запрещающая норма. А в случае пробела в законодательстве, касающегося прав и свобод человека (в данном случае осужденного), преобладающим должен быть все же дух общедозволяющего принципа правового регулирования. Именно этот принцип доминирует в Российской Федерации во взаимоотношениях «государствленности» и отвечает международному подходу в этой сфере. От свидания была бы скорее польза, чем вред. Отказ же без достаточного законного обоснования породил недовольство, которое будет в числе прочего подпитывать и соответствующее общественное мнение. По своей практике хорошо знаю, насколько внимательно нужно подходить к вполне естественному стремлению родственников увидеть друг друга. Да и не государство ли виновато в отсутствии законодательства?

Если в отношении режима содержания такой категории осужденных есть от чего отталкиваться (усиленные меры безопасности), то по таким важнейшим вопросам, как цели данного вида лишения свободы (помимо цели защиты общества от преступника), средства их достижения, ясного ответа пока нет. В самом деле, на что должен ориентироваться воспитатель - на действительно пожизненное заключение или все же пусть на нескорое, но освобождение? Можно ли говорить об исправлении, о целенаправленном воспитательном воздействии? Какие использовать стимулы правомерного поведения осужденных, к чему их призывать?

Опрос содержащихся в этом учреждении показал: большинство надеется на освобождение, причем срок больше 20 лет никто не назвал. Если учесть еще и международный опыт, то, очевидно, законодатель придет к возможности освобождения (разумеется, при соответствующих условиях, и прежде всего в зависимости от поведения осужденного) спустя определенный период отбывания наказания. Кстати, в письмах с воли близкие осужденных надеются на возвращение их домой. В одном новгородском поздравлении осужденному есть пожелание «стойкости, несмотря ни на что». Да и реально ли фактическое пожизненное лишение свободы?

Ведь жизнь впереди длинна (средний возраст осужденных 30-35 лет). Пройдет, скажем, двадцать лет, постареют сопричастные к преступлению, забудутся злодея-

ния, время заглушит боль трагедии как лично для потерпевших и их близких, так и для общества в целом, и вопрос об освобождении вполне может быть решен положительно. Отсидел, ведет себя смиренно, наверно, раскаялся, да и старый уже, - ладно, Бог с ним. Разве не так у каждого из нас: сначала гневается, готов чуть ли не в ключья раздрать обидчика, а со временем успокаиваемся и прощаем. А тем более если пройдет 30-40-50 лет? Новое поколение едва ли прочувствует совершенное преступником зло. Во всяком случае у нас, в России, прощение имеет место как в большом, так и в малом. Воспримет ли законодатель эту национальную особенность - покажет время.

Смертная казнь - самое суровое наказание, нет выше ценности, чем человеческая жизнь. Осужденный Т. по этому поводу, однако, сказал: «Это не так. Что расстрел? Раз - и все готово! Никаких мучений. А тут изо дня в день одно и то же, становишься роботом, осознаешь и чувствуешь свое деградирование, теряешь здоровье, превращаешься в обезьяну, в животное в человеческом облике». Здесь вопрос и для науки: каково воздействие длительного лишения свободы на психику человека в условиях содержания в камере? Каковы средства нейтрализации отрицательных изменений?

Вероятно, это задача не одного поколения ученых, тут необходима весьма крупномасштабная программа исследований. И как знать, каковы будут выводы. Может быть, на самом деле гуманнее лишить преступника жизни, чем подвергать его коррозии, безвозвратно выедающей в человеке личностное? Тем более некоторые осужденные просят, в том числе и письменно, привести приговор в исполнение. Причины разные. Одна из них названа. А вот осужденный Н.: «Я уже старый, всю жизнь по тюрьмам, здоровья нет, семья нет, я никому не нужен. Долго не протяну - от силы лет 10. Зачем мучить и себя, и другим доставлять беспокойство?» Год с лишним назад осужденный Д. сам привел приговор в исполнение, покончив жизнь самоубийством. В записке просил прощения и сообщил, что после совершенного им ранее преступления он не имеет права на жизнь.

Радость по поводу указа Президента о помиловании выражает отнюдь не большинство осужденных. В беседах лишь один сказал: «А что? Хорошо, конечно. Какая-никакая, а жизнь!» (этот осужденный, ранее отбывав наказание в колонии, убил сотрудника и двух осужденных, по лагерной жиз-

Точка зрения

ни - «блатной»). Многие, вспоминая момент получения вести о сохранении жизни, пожимали плечами. Характерно высказывание осужденного С.: «После приговора к «вышке» долго сидел в одиночке. Сначала какое-то напряжение было. Но потом привык и смирился с судьбой: расстрел - так расстрел, жизнь - так жизнь. Принесли указ - расписался об ознакомлении, чувствовал себя спокойно, как-то уже не было большой разницы».

Еще один осужденный в заявлении в Верховный суд написал: «Возьмите мое тело, но оставьте честное имя для детей». Речь идет о бывшем майоре милиции из Иркутской области, обвиненном в тяжких преступлениях, в том числе в организации банды, об этом деле несколько лет назад писали центральные газеты. По версии осужденного, он оказался жертвой мести, устроенной теми, кто «слетел» со своих высоких должностей после проверки, проводимой при участии и этого бывшего майора. Полностью разуверившись, по его словам, в какой-либо справедливости во всех правоохранительных и судебных органах, он просил или пересмотреть приговор, или привести его в исполнение; помилование ему не нужно.

Чисто по-человечески он вызывал определенное сочувствие. Может, действительно, стоит внимательно разобраться в его деле? Это как раз тот случай, когда возможность судебной ошибки оправдывает необходимость института пожизненного лишения свободы. И хотя данный довод, как уже указывалось, является доминирующим, тем не менее во всех президентских указах о помиловании основание одно: «Руководствуясь принципом гуманизма...» Возможность судебной ошибки, видимо, подразумевается.

Но определенное противоречие все же есть. Понятно и логично помилование в отношении тех, кто отбыл несколько лет в рамках определенного судом срока наказания и своим поведением показывает твердое намерение вести законопослушный образ жизни. Причем по сложившейся практике вопрос о помиловании решается, как правило, по отбытии не менее половины срока наказания. В нашем же случае вопрос о проявлении милосердия сразу же наталкивается на препятствие: а за что миловать, в принципе? Судебное решение состоялось только что, судьи - юристы высшей квалификации - вынесли и оставили в силе смертный приговор, учтя в том числе и все смягчающие обстоятельства. То есть принцип гуманизма уже реализован. Дру-

гое дело, что его «вес» оказался недостаточным для иного, более мягкого приговора. Следовательно, не может быть формальных обстоятельств, дающих основание для помилования. Доказать же законопослушность осужденный не в состоянии, ибо он приговорен к смертной казни и должен быть лишен жизни. Другое противоречие заключается в том, что отбывающий пожизненное лишение свободы, спустя определенный срок, если и может быть освобожден, то только ввиду помилования или по болезни, что, как представляется, является, по сути, видом помилования, так как за основу берется тот же принцип гуманизма. Получается двойное помилование. Допустимо ли это с точки зрения логики применения права?

Указанных противоречий можно избежать, если ввести в уголовный кодекс пожизненное заключение как отдельный и самостоятельный вид наказания (такая норма заложена в проект нового УК России, рассмотренного Госдумой в первом чтении). При этом, конечно, весьма трудно будет уловить разницу в основаниях приговоров к пожизненному заключению и к смертной казни, но во всяком случае можно полнее учесть и реализовать, помимо принципа гуманизма, еще и возможность устранения судебной ошибки.

Всем осужденным пришлось после вынесения приговора к исключительной мере наказания от года до трех с лишним лет провести в одиночной камере следственного изолятора в ожидании пересмотра судебных решений и прошения о помиловании. Глядя на их лица и беседуя с ними, трудно обнаружить внешние проявления последствий одиночного заключения: обычные здоровомыслящие люди, многие охотно беседуют, некоторые улыбаются. Подавленность и угрюмость практически отсутствуют, хотя проглядывает настроение неопределенности, безысходности, потери жизненных стимулов. Нужно оговориться: это поверхностные наблюдения, без учета глубины внутренних переживаний. Впрочем, сотрудники колонии подтверждают такое состояние своих подопечных. В немалой степени оно определяется в целом лояльным отношением к осужденным со стороны администрации и прежде всего младших инспекторов отдела безопасности, постоянно и непосредственно работающих с ними. А вот что показало анкетирование: 51% опрошенных осужденных ответили «да» на вопрос о том, чувствуют ли они безысходность своего положения.

Точка зрения

Большинство осужденных не признает за собой «расстрельной» статьи, не отрицая при этом полностью своей вины. На вопрос о жестокости, о жалости к потерпевшим чаще всего ответом было молчание и опущенный взгляд. Многие обращаются к религии. Осужденный Н. сравнительно молодого возраста, 25 лет, считает, что уже прощен Богом, ибо раскаялся. Вера облегчает груз ответственности за содеянное. Другой осужденный говорит, что за время пребывания в одиночной камере, а затем здесь, в колонии, в корне пересмотрел свою жизненную позицию, понял никчемность своего прошлого, надеется на лучшее, и в этом ему помогает вера в Бога. Искренни ли их слова? Как бы ни было, но, учитывая стремление к религии, администрация колонии предусмотрела отдельное помещение для священнослужителя, имея в виду использовать и эту возможность для нравственного очищения осужденных. Свободное время занято в основном чтением, прослушиванием радиопередач, общением с напарником, шахматами и, конечно, размышлениями.

Чего бы хотелось осужденным? Возможности более широкого общения в дневное время, например, где-нибудь в клубном помещении, и возможности трудиться, желательно опять же в общем цехе. Осужденный П. сказал: «Если бы не работа, то впору на стену лезть, до того муторно это однообразие». Любопытно, что этот же осужденный заметил: «Поработал в цехе - и домой», то есть в камеру.

Из всех, с кем довелось беседовать, лишь один пожаловался на тесноту камеры: «негде развернуться». Когда напомнили ему о фактическом значительном превышении минимума жилой площади, осужденный подумал, вздохнул и махнул рукой: «Пусть хоть золотая будет камера, но здесь я в зверинце, у меня нет свободы». Высказывались предложения разрешить свидания с родственниками. Спорный вопрос - должен ли будущий закон об исполнении пожизненного лишения свободы предоставлять длительные свидания (по поводу краткосрочных, о чем шла речь выше, похоже, принципиальных разногласий нет) - конечно, разрешить. Думаю, что сохранение жизни предполагает не только продолжение биологического существования, но и личную жизнь, хотя, конечно, в ограниченных рамках; хотя бы одно длительное свидание в

год, наверное, все же должно быть. Иначе в самом деле: много ли человеческого останется от человека, находящегося в камере десятки лет?

Сегодня оперативная обстановка в колонии нормальная. Но и начальник, и другие сотрудники не питают иллюзий. В первых, число осужденных будет и дальше увеличиваться, прибавится и осужденных из хозобслуги, находящихся на общем режиме. Во-вторых, пройдет некоторое время, и преступники, освоившись в новых условиях, изучив планировку корпусов, представителей администрации, наверняка начнут проявлять активность, пытаться установить связи между собой, с хозобслужбой, подкупить сотрудников, замышлять недобрые дела - слишком жестокости и изощренности многие из них, особенно прошедшие многолетнюю тюремную школу, слишком привычны для них кровь и страдания людей, чтобы думать о сплошном раскаянии и стремлении к новой жизни. В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов неизбежную после длительного нахождения в камере психическую деформацию, как-то она проявится для каждого в отдельности - одному Богу известно.

Словом, вопросов хватает. Пока же почти все проблемы на неизведанном пути исполнения нового вида лишения свободы - это проблемы самого учреждения. Новые надежды, думаю, вдохнет тот факт, что за изучение этого института основательно взялись ученые. Может быть, есть смысл разработать временные инструкции, которыми можно было бы руководствоваться до принятия закона. После года практики методом проб и ошибок наступает пора на основе накопленного положительного опыта в русле современной уголовно-исполнительной концепции каким-то образом отрегулировать отношения, складывающиеся в процессе исполнения пожизненного заключения. Пока же, как говорит начальник учреждения А.Розов, и он вне закона, и осужденные тоже вне закона...

В недалеком прошлом тюремные эпизоды фильма «Калина красная», в частности, хор осужденных, снимали именно в этом учреждении. «... Как много дум наводит он» - есть в песне хора и такие слова. Поистине, есть над чем подумать. Но обитатели этого учреждения такую судьбу выбрали себе сами.

Иван УПОРОВ,
г. Рязань